

Они сидели на земле, прислонившись к стволу дерева. Сумерки сгустились, и лунный свет, пробиваясь сквозь листву, ложился на землю причудливыми пятнами. Ветер колыбал ветви деревьев, танцующие тени накрывали листву. Цао Е вдруг почувствовал растерянность. После объяснений Лян Сычжэ весь его гнев улетучился, показавшись нелепым и смешным.

Девушка на видео с Лян Сычжэ — Цин Чжэнь-Чжэнь? Он так сосредоточился на фигуре Лян Сычжэ, что даже не взглянул на фигуру, идущую с ним рядом. На самом деле он совсем забыл, что Цин Чжэнь-Чжэнь тоже снималась в этом проекте. Все эти дни он был поглощен обидой на Лян Сычжэ.

Лян Сычжэ велел ему подумать о причине своего гнева, но сейчас его мысли были пусты. Он смотрел на пляшущие тени на земле, ни о чём не думая. Он боялся идти дальше, чувствуя, что это вытащит на поверхность то, от чего он так долго бежал. Опустив голову и прижав лоб к коленям, он подумал, что он как страус, прячущий голову в песок при малейшей опасности. Он никогда не смотрел своим проблемам в лицо. Но быть страусом было не так уж и плохо. Все эти годы он жил спокойно и, по большей части, счастливо. Однако с тех пор, как они возобновили общение с Лян Сычжэ, Цао Е чувствовал, что тот постоянно, пусть и ненамеренно, подталкивает его к тому, с чем он не хочет сталкиваться.

— Как раньше, — заговорил рядом Лян Сычжэ. — Что ты имеешь в виду под «раньше»?

— Как во времена Иньсы, — ответил Цао Е, не поднимая головы. — Разве ты не хочешь вернуться в то время?

Лян Сычжэ ответил не сразу, тихо усмехнувшись:

— А разве это возможно?

— Возможно, — тихо сказал Цао Е.

В его голосе была такая уверенность, что Лян Сычжэ понял, что он совершенно ничего не может с ним поделать. Он подумал, что Цао Е, кажется, повзрослел быстрее, чем любой из его сверстников. И все же какая-то маленькая его часть упрямо отказывалась взрослеть, храня в себе капризность, наивность, упрямство и робость. Эту часть он никому не показывал, но перед Лян Сычжэ она раскрывалась полностью.

И теперь этот его маленький мальчик, словно чуткое дикое животное, хоть и закрыл свои чувства, но был чертовски умён. Он понимал, что Лян Сычжэ давит на него, чувствовал, что их отношения уже вышли за рамки обычной дружбы. Он всё понимал, но упорно прятался в своей раковине, не желая копать глубже, не желая высовывать свою голову наружу. И что ему было с этим делать? Нельзя разбудить того, кто притворяется спящим. А Цао Е притворялся так искусно, что, кажется, даже убедил в этом себя.

Вернуться в прошлое, во времена Иньсы... Разве он сам этого не хочет? Цао Е тогда был

беззаботным молодым господином, а сам он спокойно вышел из драматических перемен в своей жизни. Они были близки, всем делились друг с другом. Приходилось признать, что это было лучшее время в его жизни. Но десять лет назад его чувства к Цао Е были неопределёнными, за прошедшие года они лишь окрепли, и порой ему казалось, что они вот-вот поглотят его целиком. Вернуться на десять лет назад и снова стать беззаботными друзьями? Легко сказать!

Цао Е хотел спрятаться, но разве он сам не хотел того же? В тот день в кинозале он действительно хотел проверить реакцию Цао Е, сделав вид, что хочет поцеловать его. Шаг назад со стороны Цао Е был ожидаем, но он никак не ожидал, что тем же вечером, после ужина с Цао Сююанем и Чжэн Инем, он, решив заглянуть на Иньсы, увидит пьяного Цао Е, выходящего из бара в обнимку с девушкой. И этого ему было мало. Он убеждал себя не думать об этом, сосредоточиться на проекте и сценарии, которые дал ему Цао Е. В конце концов, пока они не были вместе, оба были свободны. Но стоило ему открыть проект, как он увидел имя Цин Чжэнь-Чжэнь. Тогда Лян Сычжэ швырнул папку. Неужели Цао Е думал, что он неуязвим [1]?

[1] 百毒不侵 (bǎi dú bù qīn) — идиома, буквально означающая «невосприимчивый к ста ядам». Переносно означает «неуязвимый», «непробиваемый», «абсолютно равнодушный», «нечувствительный».

Но от этого проекта он не мог отказаться, иначе их примирение выглядело бы неискренним. Он должен был принять этот проект, играть с его бывшей и сделать все возможное, чтобы, как говорил Цао Е, снова получить награду вместе. Во время чтения сценария он постоянно думал об этом, не мог сосредоточиться на роли. Он был актёром десять лет и знал, что в таком состоянии хорошей игры не получится. Он старался не думать о Цао Е. После того как тот напился, он решил резко изменить тактику и перестать выходить на связь. Цао Е должен был задуматься о причине, и, возможно, перестал бы убегать от реальности.

Этот ход оказался эффективным. Цао Е сам написал ему и пригласил в поход. При встрече он снова стал похож на себя десятилетней давности, то и дело невольно прикасаясь к нему. Может, если ему надавить ещё раз, он полностью вылезет из своей раковины? Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е. Тот сидел, уткнувшись лицом в колени, молчаливый и подавленный.

У Лян Сычжэ не хватило духу. Он боялся, что, если он снова надавит, Цао Е ещё глубже спрячется в свою раковину. Пять лет назад Цао Е смог полностью разорвать с ним отношения, и сейчас он мог сделать то же самое. После стольких усилий им наконец удалось помириться, и Лян Сычжэ не хотел рисковать.

Невдалеке появился Линь Янь.

— Ты его успокоил? — крикнул он.

Оба промолчали. Цао Е поднял голову с колен. Линь Янь подошел ближе.

— Е-цзы, поехали гонять на машинах, хочешь?

— Сколько машин? — спросил Цао Е. Его голос звучал как обычно, казалось, он уже оправился от недавнего уныния.

— Ого, так быстро? — Линь Янь присел на корточки и заглянул ему в лицо. — И как же Лян Сычжэ тебя на этот раз обманул? Рассказывай.

Цао Е проигнорировал его подколку.

— Так сколько машин?

— Всего четыре. Ты как, справишься? Только не перевернись от избытка чувств.

— Да пошел ты, — Цао Е выдавил улыбку и выругался. — Не каркай.

Когда Линь Янь ушел, Цао Е, поднялся на ноги и посмотрел на Лян Сычжэ.

— Я хочу погонять. Ты поедешь?

— А ты хочешь, чтобы я поехал? — Лян Сычжэ посмотрел на него в ответ. Их взгляды встретились, и Цао Е тут же отвёл глаза. Помолчав немного, он протянул руку.

— Поехали.

Лян Сычжэ взял его за руку, Цао Е рывком поднял его, но тут же отпустил. Лян Сычжэ пошел вслед за ним к парковке, медленно сжимая ладонь, словно пытаясь удержать тепло руки Цао Е. Как он и предполагал, когда он объяснил ситуацию с той сплетней, сделав шаг вперед, Цао Е сделал шаг назад. По сравнению с непринужденными прикосновениями во время похода, то, как быстро Цао Е отдернул руку, выдало его внутреннее беспокойство и неловкость.

Из четырех внедорожников два уже уехали. Цао Е, взяв ключи у водителя, открыл дверь и сел за руль. Лян Сычжэ занял пассажирское сиденье. Цао Е завел машину.

— Тебя не укачивает?

— Нет, езжай как хочешь.

— Дорога узкая, я буду ехать быстро, но... — грохот мощного двигателя заглушил остаток фразы. Машина резко набрала скорость и рванула к извилистой горной дороге. Дорога и вправду была узкой: с одной стороны была отвесная скала, с другой — обрыв без ограждения. Водителю приходилось быть предельно внимательным, малейшая ошибка могла привести к падению в пропасть. Фары выхватывали из темноты очертания гор.

— Но что? — спросил Лян Сычжэ.

— Но не бойся, — сказал Цао Е, не отрываясь от дороги. — Я вожу очень аккуратно.

Лян Сычжэ улыбнулся. Странно, что переломный момент в его жизни был связан с автокатастрофой, но сейчас, мчась по этой опасной дороге вместе с Цао Е, он не чувствовал страха. Серпантин был сложным, в узких местах едва хватало места для одной машины. Сидя в машине и глядя на бездонную пропасть за окном, можно было ощутить, как близка смерть. Но водительские навыки Цао Е были хороши. Он мастерски проходил крутые повороты. Когда машина, промчавшись по очередному виражу, взревела, приближаясь к крутому подъёму, Цао Е запел. Это была песня из фильма «Роковой выбор» — дерзкая и бесстрашная мелодия. Он выглядел довольным, совсем не таким подавленным, как полчаса назад, сидя под деревом. Видя его хорошее настроение, Лян Сычжэ тоже немного повеселел.

Цао Е сосредоточился на дороге. Ему нравилось состояние полной концентрации. Дорога была настолько узкой, что требовала постоянного напряжения, и это не оставляло ему времени думать о чём-то другом. Когда он только вернулся в страну, Luomeng только начинала свою деятельность, и у него было много забот. Он периодически устраивал такие гонки. Полчаса езды, нервы натянуты до предела, ладони потели, а на обратном пути, когда за рулём сидел водитель, он мог наконец хорошо выспаться на заднем сиденье.

Проехав самый крутой участок, Цао Е расслабился и, повернувшись к Лян Сычжэ, пошутил:

— Как думаешь, сколько дней мы будем в топе новостей, если сорвёмся вниз?

Лян Сычжэ, подыгрывая, задумался.

— Неделю, наверное. От момента аварии до окончания расследования.

— А что напишут в заголовках? — Цао Е, казалось, был очень заинтересован этой темой и быстро придумал заголовок. — «Актер Лян Сычжэ и сын Цао Сююаня разбились насмерть, устроив ночные гонки».

Лян Сычжэ улыбнулся и покачал головой.

— Нет, ты не знаешь журналистов.

— А как, по-твоему, они напишут?

— По моему опыту, они сделают заголовок более сенсационным. Например... — Лян Сычжэ протянул: — «Актер Лян Сычжэ и сын Цао Сююаня разбились насмерть, устроив ночные гонки».

Предположительно, двойное самоубийство из-за несчастной любви».

Цао Е промолчал. В машине стало тихо. Дорога выровнялась. Ночной ветер врывается в салон мчащегося автомобиля. Свист ветра за окном смешивался с густой, неловкой тишиной, которую не мог развеять даже ветер.

— Так что тебе стоит быть осторожнее за рулем, — добавил Лян Сычжэ, придавая своему предположению шуточный оттенок и пытаясь сгладить неловкость.

«Снова отступает, — мысленно вздохнул Лян Сычжэ. — Когда же этому придет конец? Ладно, пусть будет так, как хочет Цао Е. Вернемся в прошлое, во времена Иньсы, прекратим эту борьбу. Если Цао Е снова станет тем беззаботным юношей, я буду рад. Молодой господин хочет играть со мной в платонические отношения? Что ж, пусть будет так. Может, когда-нибудь я устану от этой игры, и мы мирно разойдемся, как будто это был всего лишь сон».

«Как смешно, — подумал Лян Сычжэ. — Цао Е, наверное, и сам не помнит, со сколькими девушками он был, а теперь вдруг решил играть со мной в платонические отношения, делая вид, что ничего не происходит. Ты слишком наивен, Цао Е. Ты вообще знаешь, что я хочу с тобой сделать?»

Он думал, что Цао Е — его неизбежная судьба. Появившись в самый трудный момент его жизни, начиная с Иньсы, Цао Е стал неотъемлемой частью его пути. Какими узами они были связаны с Цао Е? Узами общей юности, закалённой в испытаниях? Нитью крепкой дружбы? Сыновним долгом перед наставником, вознёсшим его на вершину славы? И наконец долгом благодарности? Возможно, ему стоило выбрать любую из этих ролей и, как Линь Янь и Чи Миньяо, просто дружить с Цао Е, время от времени встречаться и шутить друг над другом.

Он играл много главных ролей, но единственную роль второго плана он сыграл в фильме, который продюсировал Цао Е. Возможно, судьба уже тогда намекала ему, что он исчерпал свой лимит главных ролей, играя в чужих историях, а в жизни Цао Е ему суждено быть лишь второстепенным персонажем, пусть и важным. Как печально.

«Ладно, Цао Е, пусть будет по-твоему, — подумал Лян Сычжэ, устало откинувшись на спинку сиденья и глядя в окно. — Вернемся на нашу улицу, будем общаться как раньше. Ты уступил мне мою первую главную роль. Если ты хочешь прятаться, я подыграю тебе».

На обратном пути они молчали. Цао Е ехал не так быстро, как раньше. Возможно, он тоже был погружен в свои мысли и не мог сосредоточиться на дороге. Припарковавшись на прежнем месте, они вместе поставили палатку. Выпрямившись, Цао Е увидел свет в других палатках и снова подумал о Чи Миньяо и Ли Янсяо, и о том, что пришло ему в голову по дороге. Эта мысль вызвала у него неприятное чувство. Линь Янь выглянул из окошка другой палатки и позвал его.

— Пойдем? — спросил Цао Е.

— Иди вперёд, — ответил Лян Сычжэ.

Цао Е знал, что они с Линь Янем не ладят. Он кивнул и, указав подбородком на дом на колесах неподалеку, сказал:

— Там можно умыться.

— Знаю.

Цао Е направился к палатке Линь Яня:

— Что такое?

— Готов? — спросил Линь Янь.

— К чему готов?

— Притворяться дурачком, — многозначительно усмехнулся Линь Янь. — Если ты ничего не приготовил, твой брат сделал это для тебя. Если тебе что-то нужно, ты только скажи, не стесняйся.

— Ты что, сдурел, Линь Янь?! — Цао Е понял, о чем тот говорит, и, изменившись в лице, выругался и повернулся, чтобы уйти.

— Эй, эй, эй! Не уходи! — Линь Янь схватил его за руку. — Я щучу! Есть дело!

— Какое дело?

— Что там у Чи Минъяо с его возлюбленным?

— Спроси у него.

— Он мне не скажет. Ты точно в курсе. — С любопытством приблизился Линь Янь. — Ну же, расскажи, как он вдруг так резко изменился?

— Я бы и сам хотел это знать, — ответил Цао Е.

Линь Янь всё ещё держал его за руку, не давая уйти. Через некоторое время к ним присоединился Да Бай, тоже жаждущий сплетен. Они пытались выведать у Цао Е хоть что-нибудь, но тот держался стойко и не проронил ни слова. Видя, что ничего не получается, они

решили подслушать под палаткой Чи Миньяо и хотели взять с собой Цао Е для прикрытия.

— Я не пойду, — рассмеялся Цао Е. — Вам что, заняться больше нечем? — С этими словами он наконец-то вырвался и ушел.

— Если что-то понадобится, обращайся! — крикнул ему вслед Линь Янь.

Цао Е подошел к своей палатке. Маленькое окошко было открыто, и оттуда лился теплый желтый свет. Он тихо подошел к палатке и, вместо того чтобы войти через главный вход, наклонился и заглянул внутрь через окошко, желая увидеть, чем занимается Лян Сычжэ. Но Лян Сычжэ в палатке не было. Оба спальных мешка были пусты.

— Лян Сычжэ, — позвал Цао Е. Ответа не последовало. Он наклонился и вошел внутрь через основной вход. Лян Сычжэ действительно там не было.

Он вышел и осмотрелся по сторонам, но Лян Сычжэ нигде не было видно. Тогда он достал телефон и попытался ему позвонить, но его телефон был выключен. Цао Е пошел умыться в машину, думая, что Лян Сычжэ скоро вернется. Умывшись, он немного полежал в спальном мешке, а Лян Сычжэ всё ещё не было.

Может, он спустился с горы? Цао Е сел. Хотя мысль о том, чтобы провести ночь в одной палатке с Лян Сычжэ, вызвала у него некоторое беспокойство, сейчас, когда Лян Сычжэ не возвращался, он совсем не мог уснуть. Он вылез из спального мешка и бесцельно побрел на поиски Лян Сычжэ.

На горе было не так много деревьев, и через несколько минут он увидел Лян Сычжэ. Ствол дерева был не очень толстым и не мог скрыть его прямые плечи. Цао Е подошел и остановился в нескольких шагах от Лян Сычжэ. Он увидел, как тот сидит у корней дерева, скрытый ночной темнотой. Золотисто-красные искорки мерцали в темноте. Лян Сычжэ курил. Ночной ветер подхватывал струйки белого дыма, выдыхаемые им, и быстро уносил их прочь.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130292>